

2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Гильмутдинова Н. А. Знание о понимании: понимание пониманием // Философская мысль. 2014. № 10. С. 104-123.
4. Копнин П. В. Гипотеза и познание действительности. Киев, Госполитиздат УССР, 1962. 182 с.

Gilmutdinova N. A.

INQUISITIVE UNDERSTANDING OF CULTURE

This article is devoted to the consideration of the purpose and role of the issue in the culture's quest for self-knowledge. A special place in cultural self-determination belongs to a dialogue that breaks through the given boundaries, expands the contexts of inquiry, leading to an understanding of not only its own specifics, but also the "alien" experience.

Key words: *culture, understanding, dialogue, question, answer.*

Концепт «сборка» в шизоанализе Ж. Делеза и Ф. Гваттари

Голенков С. И.

Россия, Самара, Самарский университет, доктор философских наук,
профессор, профессор кафедры философии

Концепт «сборка» является одним из важных концептов философии Ж. Делеза и Ф. Гваттари. В статье рассматриваются основные составляющие концепта сборки и возможность его использования в анализе сложных, гетерогенных феноменов.

Ключевые слова: *Делез, Гваттари, концепт, сборка, шизоанализ, машинная сборка, коллективная сборка, слова-порядка, територизация, детерриторизация, абстрактная машина.*

В отечественной литературе оценка методологии шизоанализа Жюль Делеза и Феликса Гваттари неоднозначна. И. П. Ильин в книге «Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм» (1996), под-

робно анализируя «постструктурализм» Делеза, пишет: «говорить о “шизоанализе” как об “актуальном силовом поле”, активно воздействующем на сегодняшнюю теоретическую мысль, даже в рамках постструктуралистско-постмодернистского комплекса, довольно трудно» [5, с. 114]. Исследователь считает, что шизоанализ в своем пафосе «глобального разрушительства» и «всеобщего разоблачительства» не только не выходит за рамки определенного исторического периода социальной нестабильности второй половины 70-х годов прошлого столетия, но и используется лишь для анализа специфической группы тем и проблем, связанных с производством бессознательных желаний и его связью с деиндивидуализированными субъектами и безличностными медиумами (см.: [5, с. 115]). Революционизированная и «явно возбужденная» (Ильин) критика буржуазного общества и государства в моменте сделала шизоанализ «в свое время влиятельной концепцией», однако сменившая ее консервативная тенденция переместила его «на периферию интересов теоретиков постструктурализма» [5, с. 115]. Иную оценку воздействия методологии анализа Делеза-Гваттари на современную ситуацию в философии дают участники Круглого стола *Инновационная сложность. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюль Делёза*. Они единодушны во мнении о том, что рефлексия современного мира связана со становлением парадигмы сложности, и для понимания специфики этой парадигмы необходимо использовать ресурсы философской стратегии Жюль Делёза, так как его творчество «ориентировано на конструктивное взаимодействие с самыми разными реалиями современного мира: наукой, искусством, психологией, политикой и т. д.» [6, с. 151]. Их осмысление, по мнению участников, может способствовать выработке концептуального аппарата, который позволит «увидеть современный мир во всей его сложности» [6, с. 151].

Не вступая в дискуссию о степени влияния методологии анализа Делеза-Гваттари на современное концептуальное освоение реальности, хочу заметить, что предложенная ими стратегия анализа сложных феноменов как феноменов принципиально незавершенных, постоянно находящихся в «потоках» – процессах становления, трансформации, пересечения, слияния, расщепления, разветвления, перехода, ускользания и т. д., – а также наработанный в процессе реализации этой стратегии аналитический аппарат, несомненно, обладает эвристическим потен-

циалом. Продуктивность потенциала шизоанализа особенно ярко проявляется в рефлексии феноменов человеческой жизнедеятельности, реально, на деле конституирующих жизнь индивидов как жизнь человеческую – язык, производство, война, литература, кино и т. д. Шизоанализ – это прагматика осмысления. «Прагматика (или шизоанализ)» [3, с. 244], – замечают Делез и Гваттари в работе «Тысяча плато». Прагматика не в смысле мыслительной деятельности, а в смысле извлечения (или конституирования, что одно и то же) смысла разделением гетерогенной множественности. «Разделение» здесь одновременно и *πρᾶγμα* («то, что делается» [1, с. 1040]) и *σχίζω* («разделять» [1, с. 1219]), и состояние, и процесс, и смысл. Эта сторона шизоанализа, как аналитики разделенного, наиболее рельефно представлена на уровне концептов, в частности, в аналитическом потенциале концепта «сборка».

Концепт «сборка» [agencement] в философии Делеза-Гваттари играет важнейшую роль в понимании того, как возможно становление конкретного феномена. Впервые термин «сборка» мы встречаем в книге *Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип* (1972). В ней Делез и Гваттари приводят рассуждения Самуэля Батлера о репродуктивной системе машин и предлагают ее рассматривать как сборку, частями которой выступают не только детали, но и (и это как раз важно!) люди, которые изготавливают эти детали и собирают из них машину [2, с. 449]. Делез и Гваттари заимствуют у Батлера термин «сборка» для обозначения *производства желания*, точнее, машин желания или желающих машин. Этот термин наиболее точно отражает механизм становления желающей машины, поскольку в ее целостное единство включаются различные элементы (органические, технические, общественные и др.), *синтезирование* которых невозможно. Следующей их совместной работой, где этот концепт получает дальнейшее развитие, выступает книга о *Кафке* (1975). В этой работе концепту «сборка» посвящена последняя девятая глава, имеющая заголовок «Что такое сборка?» [4, с. 103-111]. В ней авторы намечают линии разработки этого концепта: определение его природы, анализ его строения и состава, связь с желанием, генезис, появление/ускользание, связь со средой, «механизм» его осуществления и т. д. Однако самое интересное в этой работе то, что они, начиная уже с первых разделов работы, широко используют этот концепт в анализе творчества Кафки. Использование концепта сборки в качестве инструмента помогает не просто лучше понять замыслы и смыслы произ-

ведений австрийского писателя, но и описать их архитектонику. Уже в этой работе обнаруживается инструментальная эффективность и аналитическая ценность концепта сборки. Однако подробную разработку этого концепта Делез и Гваттари совершают уже во втором томе «Капитализма и шизофрении», озаглавленном «Тысяча плато» (1980).

В работе «Тысяча плато» авторы фиксируют множественность сборки, нацеливая понимание ее как *производства целого из множества разнородных элементов* [3, с. 14, 687]. Сборка не просто соединяет множество компонентов в целое, но меняет саму природу собираемого множества. Суть сборки как производства есть *становление* конкретного множества. Но, и это все время подчеркивается авторами, произведенное конкретное множество – в качестве *этого множества* – может осуществляться лишь как множество *в отношениях* с другими множествами [3, с. 59]. Рассматривая книгу как сборку, Делез и Гваттари пишут, что она является в своей собранности самой собой лишь в соединении с другими сборками. В своем собрании книга ими рассматривается исключительно как становящаяся определенность, или, точнее, *становление* определенности [3, с. 7-8]. Характерной особенностью сборки как процесса становления является то, что ее составляющие постоянно меняются, появляются и исчезают, переходят друг в друга, вплоть до замены на противоположные, и поэтому ее конституция не является фиксированной, набор ее конституэнт постоянно меняется, то есть сама сборка находится в состоянии непрерывного становления. В этом смысле в сборке нет ничего ставшего, пребывающего, кроме одного – кроме *собирания*. *Собирание и есть существо сборки*. Например, книга есть конкретное множество, собранное из разных материй: знаков, листов, картона, клея, «автора», «издателя», «читателя» и т. д., которая сама в свою очередь входит в другие сборки – литературу или библиотеку. Как феномен сборки книга не имеет ни автора, ни читателя как субъектов, творящих книгу. Она в этом случае не есть и некий самостоятельный объект, имеющий содержание, сюжет, героев, интригу и т. д. Сама по себе книга как сборка множественной целостности есть только в отношении с другими множествами целостных множественных сборок.

Будучи множеством пересечений своих измерений, сборка сама *одновременно* осуществляется в нескольких планах-потоках – семиотическом, материальном и социальном [3, с. 40]. Работая одновременно в

нескольких гетерогенных потоках, сборка парадоксальным образом, с одной стороны, преодолевает разнородность этих потоков, соотнося разноприродность мира реальности, мира презентации и мира субъективности друг с другом в их пересечении, но с другой стороны – удерживает в собранном множестве особость их разноприродности. В этом ее отличие от синтеза, который работает только с однородными элементами (синтез понятий в мышлении; или синтез химических элементов в реакции), и ее основное преимущество как инструмента анализа сложных, гетерогенных и постоянно меняющихся феноменов.

Рассматривая сложный изменяющийся феномен как сборку, мы уходим от традиционных – и поэтому совершающихся автоматически – процедур отнесения его к определенной предметной области или сфере существования, которые не позволяют видеть феномен так, как он есть в определенности своих множественных измерений. Именно множественность как ее собственная, так и внешняя, состоящая из разных реальностей (реальность мира, реальность знака, реальность субъекта) позволяет сборке собирать новое множество и включать его в другие множества, оставаясь при этом не включенным ни в один из потоков реальности, презентации или субъективности. Сборка производится на их стыке, на *«пересечении измерений в множестве»*, – пишут авторы. И в этом смысле сама сборка выступает некой реальностью – реальностью становления.

Конституция сборки представляет собой множество собранных гетерогенных феноменов. Так, рассматривая книгу как сборку, французские исследователи пишут, что книга соткана из временных (даты), пространственных (линии, страты, территории, разрывы) феноменов, их производных (скорости, движения), производных их производных (артикуляция / сегментация, ускользание, замедление, стремительность, вязкость, детерриторизация, дестратификация) [3, с. 6-7]. Само это перечисление конституент книги говорит о том, что сборка есть «производство» конкретной вещи (в данном случае книги), есть способ становления конкретного в его феноменальной определенности. Иначе говоря, перечисленные конституенты есть измерения сборки, которые, будучи задействованы в производстве, задают способы существования конкретной множественности (книги).

Все многообразные измерения сборки Делез и Гваттари разделяют на две большие группы: группа элементов или «материй» сборки (в

случае книги – это даты, скорости, линии, страты, сегменты, территории и т. д.) и группа процессов или «движений» (ускользание, стратификация и дестратификация, сегментация и десегментация, территориализация, ретерриторизация, детерриторизация, замедление, ускорение и т. д.), которые задают оси координат сборки. Каждая из этих осей – горизонтальная и вертикальная – в свою очередь имеет два сегмента, поэтому Делез и Гваттари, ведя речь о конституции сборки, фиксируют ее *тетравалентность* [3, с. 148, 858].

Тетравалентность сборки включает в себя два плана. В одном плане она ориентирована по горизонтальной оси, на которой располагаются сегмент содержания и сегмент выражения. Эта ось имеет две стороны: с одной, она есть машинная сборка тел, с другой – коллективная сборка высказываний [3, с. 745]. В ином плане сборка ориентирована вертикально и также имеет две стороны: сторону, стабилизирующую благодаря территориализации и ретерриторизации, и сторону, разрушающую всякую стабильность детерриторизацией [3, с. 148]. Обе оси сопряжены друг с другом: то, что собирается из содержания и выражения на горизонтальной оси комбинацией и включением одного в другое, здесь и теперь может как стабилизироваться действием территориализации и ретерриторизации, так и разрушаться детерриторизацией, приводящей в движение все сборки.

Уточняя природу сборки, авторы указывают на то, что сборка на горизонтальной оси в своих двух аспектах – машинном (материальном) и коллективном – говорит не о производстве благ или о продуктивности языка, а скорее о состоянии перемешивания тел и режимов знаков. При этом они уточняют, что состояние перемешивания тел рассматривается не само по себе, а в обществе, так как оно происходит в рамках глобальной сборки «Природа-Общество». Технические и технологические элементы машинной сборки, например, орудия труда или оружие войны и их смещения сами по себе бессмысленны вне отношений с элементами и процессами социальными. То же относится и к элементам языка, которые превращаются в режим знаков лишь в своей смеси с планом содержания, материальными элементами и их смесями. В своем машинном аспекте сборка отсылает не к производству благ, а «к состоянию перемешивания тел в обществе» [3, с. 149-150]. И в этом смысле нельзя рассматривать орудия труда сами по себе – орудия труда существуют только по отношению к смесям, которые они делают воз-

можными или которые делают возможными их. Сходным образом, замечают французские авторы, в своем семиотическом или коллективном аспекте сборка отсылает не к продуктивности языка, а к режимам знаков, к машине выражения, чьи переменные задают употребление элементов языка [3, с. 150]. Иначе говоря, сборка в обоих своих аспектах предшествует как орудиям труда и благам, так и языку и словам. Артикуляция обоих этих аспектов сборки каждый раз определяется благодаря движению детерриторизации на вертикальной оси сборки. В этом смысле сборка не имеет какой-либо определенной структуры [3, с. 150], но лишь планы (горизонтальные и вертикальные) и измерения в виде широты и долготы, где *широта* создается из интенсивных частей, подпадающих под некую способность, а *долгота* образуется из экстенсивных частей, подпадающих под некое отношение [3, с. 423]. Вводя в качестве измерений тела долготу и широту, Делез и Гваттари уходят от традиции определения тела через родо-видовые характеристики. Так, например, если характеризовать лошадей по параметрам аффективности, то скакун будет больше отличаться от тягловой лошади, чем тягловая лошадь от быка. В сборке машинный план и план коллективный связаны между собой (как связаны между собой две стороны монеты). Они отсылают друг к другу и дополняют друг друга [3, с. 235], но самостоятельны и не зависят друг от друга, так как машинный план повернут к телам и их смесям, а коллективный «работает» со словами и предложениями [3, с. 181].

Раскрывая существо машинного аспекта сборки, авторы работы «Тысяча плато» подчеркивают, что сущностное в сборке – ее аффективность, то есть становление. «Аффекты – это становления» [3, с. 423]. Машинная сборка – это социальная или коллективная машина, задающая существо тел и телесных смесей, их функций, ареал их распространения, их роли и значения в коллективной жизнедеятельности. Определяя машинную сборку как социальную или коллективную машину, Делез и Гваттари указывают, во-первых, на ее искусственную, а не естественную природу; во-вторых, на то, что она феномен коллективной жизни, а не индивидуальной; в-третьих, что она элемент социальной жизни, а не элемент техники или технологии. Собирающая машина является первичной по отношению к техническому элементу, она «первенствует над техническим элементом, имеет место повсюду как для

инструментов, так и для оружия. Оружие и инструменты суть следствия и только лишь следствия» [3, с. 673].

Коллективная сторона сборки определяется Делезом и Гваттари как «избыточное сочетание действия и высказываемого, которое с необходимостью выполняет ее» [3, с. 133]. Однако такое определение коллективной сборки они считают лишь номинальным. Чтобы дать действительное определение, надо выяснить, «из чего состоят имманентные языку действия, создающие избыточность благодаря высказываемому» [3, с. 133]. Важная роль в коллективной сборке высказываний принадлежит особым единицам высказываемого, которые авторы обозначают как слова-порядка. Установления слова-порядка есть проявление власти языка, его «отвратительной способности» (Делез-Гваттари) приказывать, так как «язык создан не для того, чтобы верить, а чтобы повиноваться и внушать повиновение» [3, с. 125]. Авторы замечают, что хотя слова и не являются инструментами, подобными лопатам и киркам, однако правила использования слов являются, прежде всего, показателем власти языка, нежели показателем его информативности [3, с. 125-126]. В этой своей функции у языка есть особые «инструменты» – слова-порядка. Их особенность состоит в том, что эти слова-порядка реализуют имманентную связь между высказываемым и действием, когда высказывание не отсылает ни к другому высказыванию, ни к действию, а *само и есть действие* [3, с. 128].

Побудительная сила языка в отношении тел заключается не в его коммуникативности или информативности, а в его иллокутивности, направленности его действия. Слово-порядка – это переменная, которая превращает слово как таковое в высказывание, мгновенно и непосредственно сообщая ему мощь вариации в отношении тел, трансформируя их [3, с. 137]. Это имманентное действие высказанного слова-порядка ведет к тому, что авторы называют *бестелесными трансформациями*.

Какую роль играют эти бестелесные трансформации? Реальное определение коллективной сборки, согласно авторам, вытекает из избыточности сочетания действия и высказываемого. Суть этой избыточности состоит в том, что высказывание ведет к бестелесным трансформациям, которые происходят с телами в момент высказывания. Например, в момент вынесения приговора судьей тело преступника превращается в тело осужденного, или когда тела жениха и невесты трансформируются в тела мужа и жены, в момент объявления их таковыми

работником ЗАГСa. Трансформация есть «чистый мгновенный акт или бестелесный атрибут, который является выражаемым» [3, с. 134] некоего решения судьи или работника ЗАГСa. Сами бестелесные трансформации позволяют объяснить иллокутивность высказывания, так как иллокутивный акт есть акт коммуникативной направленности высказывания.

Так как слова-порядка являются избыточными по отношению к их информативности, то высказывания коллективных сборок принадлежат лишь косвенной речи. Косвенная речь как раз и задает тот контекст для прямой речи, позволяющей последней иметь смысл. Делез и Гваттари справедливо считают, что именно *косвенная речь и есть язык* [3, с. 139-140]. Косвенная речь никоим образом не предполагает речи прямой, скорее, последняя извлекается из первой в той мере, в какой действия означивания и процесс субъективации в сборке оказываются распределенными, предписанными и назначенными. Прямая речь – это отделяемый фрагмент массы, который рождается из расчленения коллективной сборки. «Коллективная сборка, – пишут авторы работы «Тысяча плато», – всегда подобна шуму, из коего я заимствую собственное имя, она подобна совокупности согласующихся или несогласующихся голосов, из которой я вытягиваю свой голос» [3, с. 140].

Коллективная сборка высказываний позволяет возникнуть субъективности и индивидуальности. Соотношение между коллективной сборкой, с одной стороны, и субъективности и индивидуальности, с другой, то же самое, что и соотношение между машинной сборкой и телами и их смесями. Не индивидуальности и субъективности задают коллективную сборку высказываний, но они сами «существуют лишь в той мере, как того требует и как их определяет безличная коллективная сборка» [3, с. 132]. Коллективные сборки высказываний благодаря слову-порядка позволяют описать прагматику языка [3, с. 141-143]. И в этом смысле, полагают исследователи, коллективная сборка высказывания не говорит «о» вещах; она говорит *прямо в состояниях вещей* или в состояниях содержания. Сборка высказывания и есть тот концептуальный персонаж, о котором ведут речь Делез и Гваттари в работе «Что такое философия?».

Вертикальную ось сборки представляют *территоризация, ретерриторизация и детерриторизация* в качестве модальностей становления. Две первые – территориялизация и ретерриториялизация – стабилизиру-

ют сборку. Именно они позволяют сборке осуществляться в ее машинном и коллективном аспектах содержания и выражения. Детерриторизация – это разрушительная сторона всякой композиции сборки, которая переводит ее компоненты либо в декодированное состояние плана консистенции, либо в иную композицию иной сборки. Территоризация, ретерриторизация, детерриторизация – это основные модусы становления и, как таковые, основные модусы сборки как собирания.

Территоризация – это модус собирания, позволяющий возникнуть конкретному феномену. «Каждая сборка, главным образом, территориальна» [3, с. 855]. Ее территориальность состоит в том, что осуществляясь на оси содержания и выражения, она реализуется как конкретный феномен, то есть создает себя территорию своего осуществления. Сама эта территория извлекается («изымается» Делез-Гваттари) из среды, как из некоторой гетерогенной консистенции. Границы территории устанавливаются так называемыми «сигнатурами» или «конституирующими метками» [3, с. 526], имеющими выразительный характер (цвет, запах, звук, силуэт и т. д.).

Территориальность сборки (включающая содержание и выражение) дополняется *линиями детерриторизации*, позволяющими открывать территориальную сборку в другие сборки, разрабатывать территориальность сборки, то есть ретерриторизировать сборку, открывать сборки в абстрактные машины. Территориальность сборки продолжается на своих линиях детерриторизации. На этих линиях сборка уже не артикулируется ни как выражение, ни как содержание, но лишь как неоформленные материи, дестратифицированные силы и функции. Конкретные правила сборки следуют этим двум осям: содержания-выражения и территории-детерриторизации. В этом выражается тетравалентность сборки.

Конституирующим условием каждой конкретной сборки, определяющей ее композицию, выступает абстрактная машина. В своем представлении абстрактной машины Делез и Гваттари противопоставляют ее платоновским идеям – трансцендентным, универсальным, вечным. В противоположность последним абстрактные машины не формируют неопределенные материи. Они игнорируют формы и субстанции, что и делает их абстрактными. Они превосходят любую механику. Они противоположны абстрактному в его обычном смысле, так как состоят из *неоформленных материй и неформальных функций*. Каждая абстракт-

ная машина – это консолидированная совокупность материй-функций [3, с. 866].

Абстрактная машина отличается от машиной сборки, хотя тесно с ней связана. Машинная сборка *осуществляет* абстрактную машину, то есть в конкретных условиях дает ей реализоваться. Но и в этих условиях машинная сборка не тождественна абстрактной машине. Абстрактная машина всегда сингулярна и имманентна, так как работает внутри конкретной машинной сборки. Отношение между абстрактной машиной и конкретной машинной сборкой можно представить как отношение между диаграммой цикла Карно для тепловых машин и конкретной тепловой машиной (паровой, газовой или внутреннего сгорания). Цикл Карно един для любых тепловых машин, но конкретные переменные для конкретной машины дают конкретные вариации самого этого цикла, которые задают самые разнообразные устройства тепловых машин (от простейшего парового двигателя, холодильной камеры до гигантских тепловых станций и сложнейших ракетных двигателей).

Беглое рассмотрение основных составляющих концепта сборки, предпринятое в статье, призвано показать продуктивный потенциал этого концепта. Делез и Гваттари, как изобретатели этого концепта («сборка <...> – это подлинное изобретение» [3, с. 687]), продемонстрировали его эффективность в анализе самых разнообразных феноменов природы и культуры. На продуктивные возможности использования сборки для анализа современных реалий обращают внимание и отечественные исследователи. Так, Я. И. Свирский, рассматривая возможности этого концепта в анализе сложных феноменов сферы нанотехнологий, пишет: «Важность концепта “сборка” в контексте парадигмы сложности определяется тем, что сегодня... появляется особого рода “вмешательство” в материальный, биологический и социальный миры: нанотехнологическое вмешательство, где на первый план выходит текучий, процессуальный характер реальности, где стираются многие классические оппозиции» [7, с. 44-45]. К этому можно добавить, что сфера его использования будет только расширяться.

Литература

1. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинской кабинет Ю. А. Шичалина, 1991.

2. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, Астрель, 2010.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015.
5. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
6. Инновационная сложность. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюль Делёза: Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 149-181.
7. Свирский Я. И. «Сложностное» мышление в контексте философских стратегий Ж. Делеза и Ф. Гваттари // Вестник РУДН, сер. Философия, 2012, № 1. С. 37-47.

Golenkov S. I.

THE CONCEPT OF “ASSEMBLAGE” IN SCHIZOANALYSIS G. DELEUZE AND F. GUATTARI

The concept of “assemblage” is one of the important concepts of the philosophy of G. Deleuze and F. Guattari. The article considers the main components of the concept of assemblage and the possibility of its use in the analysis of complex, heterogeneous phenomena.

Key words: *Deleuze, Guattari, concept, assemblage, schizoanalysis, machinic assemblage, collective assemblage, order-words, territorialization, deterritorialization, abstract machine.*